

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В ходе состоявшейся в марте 1996 г. встречи представителей грузинской и абхазской интеллигенции было подписано совместное заявление, под которым в числе других стоит и подпись одного из соредкторов данной книги, Юрия Анчабадзе. Среди высказанных в заявлении идей было несколько важных мыслей, с которыми я полностью согласен и которые я хотел бы привести здесь.

— Бессмысленно обвинять друг друга, пытаясь определить, кто же на самом деле начал волну насилия... Вместо этого нужно вести диалог.

— До обсуждения вопроса будущего правового статуса Абхазии, необходимо создать систему социальных и политических гарантий, обеспечивающих мир в Абхазии и справедливое разрешение конфликта.

— Необходимо обеспечить возвращение всех беженцев в Абхазию.

К сожалению, взаимные обвинения и подтасовка исторической фактографии, тенденциозно подобранной с целью подкрепить ту или иную точку зрения, все еще довлеют над абхазо-грузинским диалогом. Читателю данной книги самому судить, удалось ли авторам избежать этой формы неплодотворной полемики.

Грузино-абхазский конфликт в сравнительной региональной перспективе

Мир после окончания «холодной войны», отмеченный множеством конфликтов, вспыхнувших на фоне соперничающих процессов глобализации и деглобализации, стоит перед важнейшей задачей сглаживания внутрорегиональных конфронтации и утверждения кооперативной модели взаимодействия. Тем необходимее найти точные определения, критерии и индикаторы для определения природы, роли и воздействий главных факторов, предопределяющих как сами конфликты, так и эффективные кооперативные сценарии (сценарии совместных взаимодействий).

Столь широкое распространение межэтнических конфронтации и конфликтов суть сравнительно новые феномены для бывшего Советского Союза. Правительства не в состоянии поддерживать обычные в недавнем советском прошлом формы сосуществования и не способны выработать новые стратегии, обеспечивающие эффективное сосуществование и сотрудничество. Кроме того,

отсутствуют и какие-либо гарантии того, что политическая поддержка и целеустремленность, необходимые для формулирования и следования таковым стратегиям, лишь дело времени. В ситуации, когда как национальные, так и международные институты, которые должны бы взять на себя ответственность за координацию процесса регионального сотрудничества, или неэффективны, или же просто отсутствуют, тем более важной задачей становится установление партнерских отношений, выработка гибких подходов и установление консенсуса относительно кооперативных приоритетов.

С конца 80-х годов этнотерриториальные конфликты становятся наиболее заметной чертой новой политической действительности на Кавказе, разрушая стабильность, перспективы развития и даже элементарную экономическую самодостаточность. За этот период возникло пять зон, где произошли вспышки войны и насилия: Карабах, Цхинвали (Южная Осетия), Абхазия, Пригородный район Осетии и Чечня.

Необычайно высокую концентрацию конфликтов на Кавказе часто приписывают то действию российских секретных служб, то военным или политическим группировкам, заинтересованным в разжигании распри, а то и специфической культуре населяющих этот регион народов, якобы характеризующихся нетерпимостью и агрессивностью. Однако все эти три объяснения изначально неудовлетворительны. Неспособность этнических групп мирно сосуществовать следует скорее видеть в неэффективности институциональных механизмов урегулирования, чем в природной предрасположенности или в одних геополитических факторах. Это отнюдь не означает, что анализ корней конфликтов на Кавказе должен упускать из виду роль внешних манипуляций (фактор «скрытой руки») и (специфических) внутренних «спонтанных» действующих сил в регионе. Очень трудно определить, в какой степени анализ конфликтов должен фокусировать внимание на их первично встроенных, спонтанных причинах, или, наоборот) видеть в них результат преимущественно внешних намеренных действий и решений, в особенности в свете отсутствия эмпирических данных о генезисе этих конфликтов. Чрезвычайно важно идентифицировать реальные интересы противостоящих групп населения, отличающиеся как от декларированных целей, так и от партикуляристских интересов политических элит. Так же нельзя ни недооценивать, ни переоценивать специфику кавказских культурных традиций и геостратегическую важность региона. Некоторые аспекты кавказского контекста, заслуживающие отдельного рассмотрения, представлены

ниже.

1. Территориальный фактор, границы и география

Все вышеперечисленные конфликты, имеющие целью изменить политический статус той или иной территории, являются по существу территориальными конфликтами. Или, пользуясь более современной терминологией, все кавказские конфликты являются конфликтами по поводу суверенитета. Сакральное значение, приписываемое территории и родине, — повсеместно наблюдаемое явление, однако оно играет особую роль на Кавказе с его крайне пестрым этническим составом населения, размытым понятием этнических прав на ту или иную территорию и глубоко укоренившимся советским наследием (включая произвольно обозначенные политические границы, насильственные переселения и миф о титульной нации). В таких условиях конфликты из-за границ и территорий весьма взрывоопасны.

Наличие внешней границы и непосредственное соседство с другими государствами и регионами, населенными этнически родственными народами, является чрезвычайно важным фактором для кавказских народов. Не случайно одним из наиболее болезненно воспринимаемых аспектов карабахской проблемы было отсутствие какой-либо подобной границы с Арменией (отсюда и претензии на Лачинский коридор). Аналогично, не случайно Конфедерация народов Кавказа¹ избрала Сухуми своей столицей, учитывая его приморское расположение. И Россия относится к выходу к морю как к весьма мучительному вопросу, особенно в свете драматического сокращения ее Черноморского побережья. Поскольку все кавказские конфликты в той или иной степени связаны с крайне болезненной потерей Россией былой имперской мощи, такое ее отношение к данному вопросу имеет первостепенное значение для ситуации во всем регионе.

2. Россия и вопрос внешних манипуляций

Многие политические аналитики, и в особенности уроженцы самого региона, склонны приписывать все проблемы и промахи в политике кавказских правительств и политических движений роли «российского фактора». Критика такого подхода отнюдь не означает недооценку значения этого фактора. Россия и в

¹ Конфедерация народов Кавказа (первоначально Конфедерация горских народов Кавказа) является свободной ассоциацией национальных движений, претендующих на представительство большинства наций Северного Кавказа. Она возникла сразу после распада Советского Союза и активно вовлекалась во все конфликты, кроме карабахского. В Конфедерации доминировали абхазы, адыги и чеченцы.

самом деле активно вовлечена в местные конфликты не только в лице миротворцев или десантников, но и через торговлю оружием (продавая оружие всем участвующим в конфликтах сторонам, делая различия в отношении качества и количества поставок) и путем манипуляций, включающих экономические рычаги, или действий своих воинских соединений или секретных служб. Как писал Оливье Руа: «С начала 1990-х годов Москва стала активно поощрять конфликты на Кавказе, в то же время представляясь честным посредником между противоборствующими сторонами»¹. Как правило, российская политика не отличается последовательностью и цельностью, однако за ней стоят несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с любой местной силой. Все конфликты на Кавказе связаны с определенным присутствием российских военных, либо активно участвующих в действиях (как в Чечне и Абхазии), либо выступающих в роли советников или инструкторов (Карабах). Преобладающая симпатия российских военных или политического истеблишмента к одной из воюющих сторон очевидна в каждом конфликте (поражение в Чечне и отсутствие миротворческих сил в Карабахе являются любопытными исключениями в этом отношении).

На Северном Кавказе надолго запомнили визит в 1991 г. российского президента Бориса Ельцина в регион, когда он обещал ингушам помочь в возвращении им Пригородного района, а затем в следующей речи, осетинам — защитить их от ингушских притязаний. Само создание Ингушской республики (без обозначения даже ее границ) противоречило российской конституции, но оно по всей видимости, и было спланировано одной из силовых групп у власти как источник постоянной напряженности, хотя трудно представить, какую выгоду принесло это российским интересам. Такое преобладание сиюминутных групповых или личных интересов над долгосрочными стратегическими интересами страны встречается изредка в современном мире, но в постсоветской реальности оно доминирует. Применительно к России это противоречие еще более усугубляется постимперской ностальгией. Другим характерным примером, иллюстрирующим непоследовательность и противоречивость российской политики, был арест на раннем этапе грузино-абхазского конфликта лидера Конфедерации горских народов Кавказа Мусы Шани-бова, в прошлом профессора научного коммунизма, якобы за организацию военных и террористических действий на грузинской территории. Попытка подавить активность Конфедерации превратила этого малоизвестного политика местного значения в популярную в регионе фигуру, однако были определенные

¹ Roy Olivier. *Crude manoeuvres // Index on Censorship*. 1997. No. 4. P. 148.

признаки (сама неуклюжесть его ареста и впоследствии освобождения) того, что эти действия были заранее просчитаны, и план осуществлен, несмотря на его несостыкованность с другими аспектами региональной политики.

В то же время чеченская война показала возможность успешного противостояния российской военной машине и тем самым послужила примером для радикальных сепаратистов, но вместе с тем продемонстрировала готовность Российского государства использовать устрашающий объем своих ресурсов для подавления силой подобных сепаратистских движений. В сознании кавказцев Чечня показала на истинных антикавказских агрессоров и переориентировала первоначально антигрузинские настроения на север. И даже если многие грузинские политики надеялись, что война в Чечне приведет к изменению российского отношения к абхазской проблеме, нежелание или неспособность России разрешить абхазский конфликт разрушило и эти надежды.

Российская политика в отношении той или иной этнической группы также является весьма важным фактором. За исключением чеченцев, которые сами оказались вовлеченными в войну против России, все остальные стороны, участвующие в кавказских конфликтах, стремились добиться российской поддержки, апеллируя к России как к арбитру в споре. Такое обращение имело целью усилить собственную позицию в споре или в ходе его разрешения. Политическая ориентация на Россию или российское правительство в стремлении заполучить поддержку в ходе избирательных кампаний (к примеру это имело место в Северной Осетии и в Ингушетии) или в виде предоставления военных баз (как в случае с Грузией в абхазском конфликте) предлагалась в обмен на предпочтительное отношение к себе со стороны арбитра. Такие политические расчеты к себе со стороны местных политических элит отражают отсутствие у них уверенности в собственных силах. Апелляция к стороннему арбитру указывает также и на отсутствие у них чувства ответственности за разрешение конфликтов, в которых они участвуют. Обращение за поддержкой к России свидетельствует и о переоценке ими способности России благополучно разрешить конфликты на Кавказе. Россия, таким образом, все еще воспринимается как барин, способный рассудить, как символическая фигура отца, чья мощь имеет решающее значение для определения конечных итогов этой игры. На самом деле Россия, хотя и играла первоначально ключевую роль в зарождении конфликтов, однако ныне, по-видимому, не только не заинтересована в их разрешении, но и не в состоянии это сделать.

3. Демографическое равновесие

Для всех конфликтов характерны радикальные демографические изменения либо в период, предшествующий разгоранию конфликта (будь то мирная миграция, или насильственная депортация при сталинском режиме), либо в процессе самого конфликта (беженцы, этнические чистки). Эти изменения ведут к возникновению у народа ощущения угрозы и появлению обостренного чувства незащищенности. Этническая группа — или же ее элита — может опасаться, что ослабление демографической позиции может, пусть и в отдаленной перспективе, радикально нарушить баланс сил и привести к ущербному для нее перераспределению наличных ресурсов. Такое восприятие процессов даже при отсутствии какой-либо попытки применения силы со стороны той группы, чей растущий демографический перевес и вызывает опасения, может послужить причиной для осуществления «превентивной акции» и тем самым к вспышке насилия.

Демография является важным, а порой и решающим аргументом, используемым традиционной политической элитой, чтобы сохранить привилегированные позиции путем увеличения «веса» соответствующей этнической группы. В этой связи можно вспомнить ситуацию, в какой оказались западнокавказские народы, пережившие тяжелые демографические потери в ходе великой Кавказской войны, и особенно после ее окончания в 1864 г. вследствие выселения или добровольной эмиграции в Турцию кавказских мусульман. Абхазское руководство, например, сделало попытку привлечь представителей своей диаспоры из Турции и Ближнего Востока, чтобы те заново заселили край.

4. Стереотипы аргументации в территориальных спорах и популярные мифы

Советское наследие — включая произвольную демаркацию границ между федеральными единицами, случайное присвоение территориального или политического статуса так называемым *титульным* нациям и сталинская традиция в решении национального вопроса (определение «нации», иерархическое различие «народов» и «народностей» и т.д.) — причастно ко всем конфликтам. Символические действия и формулы, как и всевозможные национальные мифы, приобрели гипертрофированное значение на первых этапах конфликтов, хотя на нынешней стадии можно отметить постепенное ослабление значимости всех подобных символических действий, формул и мифов. Все участвующие в конфликтах стороны имели и имеют прагматическое — даже,

может быть, циничное — отношение к всеобщим демократическим нормам и принципам международного права, апеллируя именно к тем нормам и пунктам, которые они считают подходящими для себя, в то же время игнорируя остальные. Двойной стандарт стал нормой. Тим Потье отметил в недавней публикации: «Не следует обвинять правительство и народ Грузии за требование того, что, согласно международному праву, считается справедливым. На их месте абхазы поступили бы точно так же»¹.

Требования одной из этнических групп эксклюзивности прав на ту или иную территорию зачастую связаны с требованием статуса «автохтонности», тогда как соперничающей группе присваивается «гостевой» статус. Так некоторые грузинские ученые доказывали, к примеру, что абхазы спустились в Абхазию с Северокавказских гор лишь в сравнительно недавнее время. Это якобы подтверждается отсутствием в абхазском языке слова, обозначающего «море». В свою очередь ряд абхазских ученых подобрали другой набор аргументов для доказательства противоположного факта, а именно, что это грузины являются недавними поселенцами в регионе, который в средние века именовался Абхазским царством. Действуя в том же ключе, армяне заявляют свое историческое право на Карабах, который, согласно большинству источников, ранее был местом проживания кавказских албанцев. Азербайджанские источники, в свою очередь, утверждают, что большинство армян здесь являются переселенцами из Ирана и Турции, мигрировавшими в XIX в. после российских военных успехов, в то время как именно азербайджанцы являются потомками и наследниками албанского христианского населения и тем самым истинными автохтонами Карабаха.

Одни политические претензии находят более убедительные исторические аргументы, чем другие. Так, скажем, относительно легко доказать, что до 20-х гг. в Цхинвали практически отсутствовало осетинское население или что ингуши на самом деле населяли правобережье Терека до их насильственного переселения в Среднюю Азию в конце Второй мировой войны, после чего высвободившаяся территория была передана осетинам (считавшимися более лояльными советскому режиму). В подобных случаях одной из противостоящих сторон уже не удастся подкреплять свои претензии историческим материалом. Легитимность аргументации, основанной на различии между автохтонами и мигрантами, будет в таком случае отвергнута одной из сторон, и начнется изыскание иных

¹ Potier Tim. The Constitutional Future of the Post-Soviet Caucasian Autonomous Republics. Briefing Paper. В интернете: <tpot@premier.co.uk >.

обоснований легитимности претензий с привлечением более современных фактов, например, таких: «право на землю принадлежит тем, кто на ней живет сейчас», — как в случае мадьяр, поселившихся в Венгрии лишь несколько столетий тому назад, или турок, занимающих территорию Византии с XV в. В обоих вариантах легитимации история подвергается манипулированию по политическим мотивам, а воздействие подобной «исторической» аргументации на массовое сознание всех населяющих Кавказ этносов является мощным фактором провоцирования конфликтов.

Весьма туманно определяемое право на самоопределение является основным аргументом в вышеописанных спорах; единственное исключение составляет осетино-ингушский конфликт. В отношении Абхазии этот принцип вступает в противоречие с демократическим принципом правления большинства, однако в Южной Осетии, где осетины составляют большинство населения, такого противоречия нет. Это является лишней демонстрацией факта инструментального, прагматического подхода к использованию исторических, демографических либо правовых аргументов в территориальных конфликтах.

5. Различные уровни этнической и религиозной самоидентификации

Среди народов Кавказа можно наблюдать различные уровни этнической и религиозной самоидентификации. К примеру, ингуши и чеченцы считают себя отчетливо разными народами, но признают и подчеркивают свое этническое родство (их языки принадлежат вайнахской, или нахской, языковой группе). Одновременно они осознают себя кавказцами, и готовы при случае доказать такое самосознание политическими действиями даже с оружием в руках. Аналогично абхазы и черкесы уделяют большое внимание этническому родству между собой. Ныне распространившийся в России варваризм (термин) «лицо кавказской национальности», который, вообще говоря, отражает репрессивный, антикавказский дух последних лет, эффективно укрепляет вышеупомянутое общее самоощущение.

Народы, говорящие на тюркских и индоевропейских языках, также находят свое место в пределах этой общей кавказской самоидентификации. В результате не только упомянутые черкесы, но и балкарцы, осетины и кумыки должны быть приняты во внимание, хотя они и несколько менее активно

участвуют в панкавказском интеграционном процессе (например, в рамках Конфедерации горских народов Кавказа).

Специфической чертой вышеперечисленных конфликтов является тот факт, что они имеют место между группами-носителями языков, принадлежащих однозначно разным языковым семьям (славяне — русские; картвелы — грузины; ираноязычные — осетины; тюрки — азербайджанцы; вайнахи — ингуши и чеченцы; абхазы — принадлежащие адыго-абхазской группе; армяне — индоевропейцы). Лингвистически родственные этнические группы поддерживают одна другую, как в случае ингушей и чеченцев, или же абхазов и адыгов. Это одна из причин, почему этногенетические теории и мифы играют столь важную роль на Кавказе, в то время как религиозный фактор отодвигается на второй план, и в этом наблюдается резкое отличие от бывшей Югославии, где в межэтническом конфликте находятся лингвистически близкородственные, но деноминативно различные народы.

В то же время роль религиозного фактора в кавказских конфликтах постоянно переоценивается. Хотя в отдельных случаях (как, например, в Чечне, где ислам сильно укоренен) религия и может играть значительную роль, местные политические элиты, вообще говоря, обычно проявляют к ней весьма прагматичное, манипулятивное отношение. После своего возвращения в Грузию Шеварднадзе поспешил получить крещение под более уместным для православия именем Георгия. Абхазский президент Ардзинба обещал построить в стране мечеть, дабы потрафить религиозным чувствам своих более богобоязненных соотечественников в Турции. Однако население тем временем в значительной степени утратило первоначальный интерес к религиозным церемониям, вспыхнувший было с перестройкой. Однако не исключено, что религиозные символы могут приобрести и больший вес, если военные действия против представителей иного вероисповедания окажутся более продолжительными. Это, к примеру, и произошло в Чечне, где в дополнение к сильной суфийской традиции в высшей степени жива и историческая память о священном джихаде XIX в. против России. Ныне многие чеченцы поддерживают введение принципов шариата в пенитенциарную практику, несмотря на то, что зачастую они имеют весьма смутное представление об его основах.

6. Экономические факторы

Экономические интересы России и кавказских государств, так же как и

масштаб ресурсов, которые они готовы применить для достижения той или иной частной политической цели, следовало бы детально оценить. Экономические интересы и ресурсы многообразных элит и групп — например, торговцев оружием или наркотиками, нефтяных и других транснациональных компаний — следует учитывать, наряду с экономической значимостью принимаемых государственной администрацией решений. Все эти факторы подразумевают значительные потоки капитала. Война в Чечне обогатила по большей части военных, тогда как ресурсы, выделенные для восстановления экономики, подкормят тех игроков в экономической сфере, кто сумел политически проконтролировать соответствующие решения. Прокладка веток трубопроводов и будущее перераспределение нефтяных доходов являются доминантным фактором российской политики в Карабахе и Чечне и смогут играть все возрастающую роль в развитии грузино-абхазского конфликта. По-видимому, Россия продолжит манипулирование этнотерриториальными конфликтами в целях обеспечения безопасности ее стратегических экономических (нефтяных) интересов.

7. Временная перспектива, концепции будущего и базисные интересы населения

Ни одна из противостоящих в конфликтах сторон не имеет какого-либо взаимоприемлемого, реалистического предложения, каковое можно было бы использовать в качестве основы для разрешения данного конфликта. Россия также не в состоянии предложить приемлемый компромисс, впрочем до самого недавнего времени у нее не замечалось и заинтересованности в нахождении решений. Как правило, конфликт воспринимается как игра с нулевой суммой, в которой как негативные следствия отдельных событий или факторов с точки зрения интересов каждой из партий (в частности, это касается демографического баланса между различными народами на спорной территории и общего баланса сил), так и возможные позитивные последствия для интересов сторон, участвующих в конфликте, воспринимаются в весьма гипертрофированном виде.

Вопросы безопасности населения, его экономического благоденствия и участия в самоуправлении можно считать базисными потребностями взаимоприемлемых предложений. Такое определение является умышленно упрощенным. Однако пути, ведущие к гарантированию этих потребностей, не столь просты. Так, например, в случае с беженцами-грузинами из Абхазии

совершенно очевидно отсутствие быстрых решений, ведущих к их возвращению — в частности, в северную часть Абхазии, — которые могли бы обеспечить достаточные гарантии безопасности и одновременно создать условия для демократического правления в Абхазии. Только комплексный, поэтапный процесс может привести к компромиссному решению, приемлемому для обеих сторон. Как и во многих других случаях, когда наличествует конфликт между «формальной» демократией и «этнической» демографией, единственно возможным решением — хотя и весьма долговременным — является развитие глубинного процесса демократизации, сопровождаемого очень осторожными демографическими изменениями, в условиях полной процедурной прозрачности и гласности параллельно с непрерывным переговорным процессом.

II. Новая тенденция в политической ориентации Грузии

Провал покушения на жизнь Эдуарда Шеварднадзе в 1995 г. имел далеко идущие последствия в сфере новых геополитических инициатив и тенденций на Кавказе. Игорь Георгадзе, министр государственной безопасности Грузии и сын руководителя Коммунистической партии — главного соперника шеварднадзевского Союза граждан, сбежал в Москву на российском военном самолете, будучи обвинен в подготовке покушения. Шеварднадзе полностью использовал создавшуюся возможность избавиться от сильных фигур, доминировавших на внутривнутриполитической сцене, достигнув сокрушительной политической победы над соперниками. Однако еще более важным событием стала переориентация страны на Запад, вместо предшествующей ориентации на Россию.

Несмотря на наличие российских военных баз в Грузии, присутствие российских пограничников на грузинской границе с Турцией и российских миротворцев в двух зонах конфликта (Цхинвали и Абхазии), эта переориентация стала заметной к концу 1996 г. Она была подкреплена поражением российских войск в Чечне и изменением западных установок в отношении региона в целом. Этот последний факт связан не только с чрезвычайно важным значением каспийской нефти, но и с общим смещением приоритетов Запада после частичного разрешения боснийского кризиса и в результате всеобщего разочарования процессом демократизации в России, особенно проявившегося в ходе расширения НАТО на Восток.

На развитие новой ситуации указывает удвоение западных инвестиций в

грузинскую экономику в течение последних двух месяцев 1996 г. Растущая мощь западного присутствия в регионе, пусть даже существующая лишь в умах грузинского населения, наводит на сравнение с постепенно тающей силой России. Россия попыталась использовать СНГ для восстановления контроля над бывшими советскими республиками, однако одновременно она остерегается чрезмерно форсировать интеграцию, боясь, в числе прочего, усиления притока неславянского населения в Россию; эти страхи усиливаются низкой рождаемостью среди славянского населения по сравнению с мусульманскими меньшинствами. К тому же России приходится сталкиваться со все уменьшающимися ресурсами и организационными возможностями. Грузинское общественное мнение воспринимает действия России — и, в частности, политику типа «разделяй и властвуй» — как серьезную угрозу безопасности страны. Потенциальные экономические и стратегические выгоды любой формы российско-грузинского сотрудничества видятся как менее значимые, чем такая угроза.

Визит Генерального секретаря НАТО Х. Солана в южные государства СНГ вызвал яростную реакцию московских политиков, в то время как на самом деле его значение можно считать скорее символическим, в духе преобладающей тенденции подменить реальную политику в отношении стран СНГ демонстративными актами, хотя можно считать и отражением факта изменения равновесия сил в регионе. В речи, произнесенной в Тбилиси 11 февраля 1997 г. господин Солана подчеркнул новую роль Грузии и Кавказа:

«Мой сегодняшний визит можно интерпретировать как выражение того значения, которое мы в НАТО придаем нашим отношениям с Грузией. Мы хотим продолжать и укреплять эти отношения. И в самом деле, практически безграничен набор возможностей сотрудничества с НАТО. Со своей стороны мы с энтузиазмом встретим растущее вовлечение Грузии во весь спектр наших программ сотрудничества. Может быть, географически Грузия и находится далеко от Брюсселя, однако ее проблемы и заботы нам близки. Кавказ является важным для Европы регионом с огромным социальным и экономическим потенциалом, ждущим реализации, что и последует вслед за мирным разрешением, в соответствии с ценностями и принципами ОБСЕ, базисных проблем безопасности. Европа не может считать себя в полной безопасности, не может реализовать весь свой потенциал до тех пор, пока страны Кавказа остаются вне рамок европейского уровня безопасности»¹.

Развитие тесного сотрудничества Грузии с Украиной и Азербайджаном,

которое принято считать достижением дипломатических усилий Шеварднадзе, указывает на определенную вероятность успеха таких форм интеграции стран СНГ, которые идут не из московского центра. Такой альянс, подразумевающий также участие Турции, является отчетливой альтернативой традиционному в рамках СНГ процессу регионализма, который, как правило, не шел дальше декларационной практики поддержки претензий России на статус супердержавы. Азербайджанско-грузинско-украинское сотрудничество высветило явное желание сторон: создать противовес российскому доминированию, в частности с точки зрения энергетической и экономической безопасности стран-участниц.

За этим процессом последовало оживление турецко-грузинских отношений. 28 февраля 1997 г. делегация турецкого меджлиса посетила Грузию. Глава делегации, господин Хатын-оглу, подчеркнул заинтересованность Турции в мирном разрешении абхазской проблемы, в категорической форме поддержав территориальную целостность Грузии и отметив желание Турции воспрепятствовать осуществлению российского сценария. Президент Шеварднадзе выразил свое согласие с турецкой точкой зрения: «Я считаю, что пришло время для более активного участия Турции в разрешении абхазского конфликта, как и других конфликтов в регионе». Он также подчеркнул важное значение новой железнодорожной магистрали, которая свяжет Турцию с Грузией².

15 марта грузинский министр обороны Надибаидзе был послан Шеварднадзе в столицу Ингушетии Назрань. Это был один из первых шагов по воплощению в жизнь инициативы «Мирный Кавказ», пропагандируемой Шеварднадзе со времени кисловодской встречи

1996 г. Ельцина с кавказскими лидерами. В Назрани Надибаидзе встретился с ингушским президентом Аушевым и чеченским лидером Масхадовым. Надибаидзе, вернувшись, отрапортовал, что оба северокавказских лидера поддержали инициативу «Мирный Кавказ» и выразили готовность к более активному сотрудничеству. Оба лидера, согласно сообщению, выразили уверенность, что Абхазия должна остаться частью Грузии и признали ошибочность чеченского участия в грузино-абхазской войне, считая это просчетом Дудаева. Аушев и Масхадов классифицировали дислокацию российских пограничных войск вдоль грузино-северокавказской границы как излишнюю, в то время как

¹ Human Development Report: Georgia 1997. UNDP. Tbilisi, 1997. P. 30.

² Газета «Резонанс» от 4 марта 1997; Электронный бюллетень посольства США в Грузии «Recent Political Developments in Georgia», № 5, от 14 марта 1997 г. (<http://www.sanet.ge/usis/usistbl.html>).

Надибаидзе высказал отрицательное отношение к расположению российских войск с грузинской стороны общей их границы¹.

Следующим важным событием, имеющим значительные последствия для грузинской внешней политики, была встреча глав государств СНГ в Москве 28 марта. Грузинская сторона искала выход из тупика, в который зашла проблема Абхазии, надеясь достичь нескольких целей, в том числе передислокации российских миротворческих сил в расширенную зону безопасности в Гальском районе, что облегчило бы возвращение туда около 100 тыс. грузинских беженцев. Такое возвращение значительно облегчило бы внутреннюю политическую напряженность в Грузии и уменьшило экономическое бремя, связанное с размещением беженцев. В Москве грузинская сторона получила символическую поддержку и понимание ее позиции в конфликте, нашедшие выражение в резолюции Совета глав СНГ (Москва, 28 марта 1997 г.) «О развитии процесса разрешения конфликта в Абхазии, Грузия»:

«Совет Глав Сообщества независимых государств, соглашаясь с Лиссабонской декларацией, принятой на встрече глав государств — членов ОБСЕ (декабрь 1996 г.), осуждающей «этническую чистку, приведшую к массовому уничтожению и насильственному изгнанию преимущественно грузинского населения Абхазии», а также «действия, препятствующие возвращению беженцев и перемещенных лиц», в свою очередь осуждает «позицию абхазской стороны, задерживающей достижение соглашений по политическому разрешению конфликта в Абхазии, Грузия, и возвращение, безопасно и с сохранением достоинства, беженцев и перемещенных лиц в места их постоянного проживания...»²

В определенном смысле грузино-абхазский конфликт явился одним из самых мощных факторов, мобилизовавших в Грузии оппозицию зависимости от России. В долгосрочной перспективе он имел решающее влияние на определение внешнеполитических приоритетов. По всей видимости, Россия потеряла в результате этого конфликта существенную долю политических дивидендов, возбуждив антироссийский настрой в общественном мнении, в том числе и среди грузинского политического истеблишмента. В то же время, прозападная ориентация Грузии может привести к преувеличенным оценкам

¹ ИТАР-ТАСС от 15 марта, газета «Ахали таоба» от 17 марта 1997; газета «Резопанси», от 17 марта 1997.

² Газета «Сакартвелос республика» от 29 марта 1997; Электронный бюллетень посольства США в Грузии «Recent Political Developments in Georgia», № 7, от 11 апреля 1997 г.

возможностей западной поддержки — ведь Запад иной раз легко жертвует интересами малых наций ради сохранения стабильности в Евразии. Так, грузинское правительство выражало озабоченность возможностью того, что российское согласие на расширение НАТО на Восток было получено в обмен на американское согласие признать приоритет российского влияния на Кавказе.

Абхазы, которые в течение длительного времени играли роль сильнейшего рычага воздействия на Грузию, также, по-видимому, все с меньшей охотой соглашались на то, чтобы Москва использовала их с аналогичной целью. Как абхазская, так и грузинская стороны уже делают попытки начать переговоры друг с другом без посредников. И что удивительно: уже первые встречи между лидерами двух сторон оказались способными изменить послевоенные стереотипы и образы врага среди населения каждой из сторон, неожиданно обнаружившего способность увидеть ситуацию в реальном свете, а не в примитивном делении на черный и белый цвета. Грузины с удивлением обнаружили, что аргументы в устах Ардзинбы и других абхазских представителей, и неприемлемы, но имеют вполне рациональный смысл, и это после многих лет исключительно негативного восприятия лексикона абхазской политической верхушки.

III. Конфликт в Абхазии: специфические моменты

Абхазское население понесло огромные потери за последние два столетия в результате депортаций и искусственно вызванной миграции представителей иных этнических групп на его этническую территорию. В то же время наследие советской системы включало и различные хитроумные механизмы, предоставлявшие непропорционально большую долю номенклатурных должностей абхазской общине. Это наследие внесло весьма ощутимый вклад в разгорание конфликта, а также определило форму его протекания. Решающее же влияние на вспышку военных действий имели специфические факторы, в том числе такие, как наличие северокавказской диаспоры на Ближнем Востоке, различные оценки правовых аспектов конфликта (вроде противоречия между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности), восприятие обеими сторонами в конфликте своих действий как справедливых, роль казаков и важная роль русского языка в Абхазии.

1. Послеконфликтные установки и информационный голод

Общая атмосфера в Абхазии все еще характеризуется приметами послевоенного времени. Население живет в ожидании начала войны в любой момент, и значительная часть обсуждений и общественного внимания посвящено перспективе возобновления военных действий. Это держит население в состоянии постоянной военной готовности, что является сильнейшим препятствием для конструктивного, нацеленного на развитие мышления, так же как и для строительства гражданского общества. Однако в большей части Грузии вопрос об Абхазии давно сдвинулся на периферию политических дискуссий. Несмотря на правительственную пропаганду и непрестанные попытки политических групп представлять или претендовать на представление интересов беженцев и перемещенных лиц из Абхазии, насущные проблемы каждодневного выживания или бизнеса занимают умы в гораздо большей степени, чем перспектива войны в Абхазии; за исключением некоторого числа воинствующе настроенных лиц, большей частью из среды перемещенных или беженцев, население готово поддержать любое мирное разрешение абхазской проблемы, не ведущее к потере Абхазии, что считается совершенно неприемлемым.

2. Правовой статус

Большинство текущих дебатов вращается вокруг правового статуса Абхазии в ее отношении к Грузии. Тем не менее сомневаюсь, что ныне возможно — или даже важно — спешить с решением проблемы политического статуса. Сначала необходимо разрешить другие проблемы, чтобы сбить напряженность. Необходимо четко проанализировать позиции и интересы каждой из сторон, проявляющиеся при обсуждении вопроса политического статуса, иначе не удастся начать действительно продуктивный диалог. Абхазскую сторону волнует задача сохранения контроля и гарантии ее безопасности в случае, если абхазы вновь станут меньшинством, что произойдет, если перемещенным лицам позволят вернуться и принять участие в политическом процессе, состоящем из демократических процедур. Абхазы, выиграв войну и впервые в течение этого века имеющие выгодную для них демографическую пропорцию, с трудом готовы рассматривать такую перспективу.

Абхазская сторона настаивает на равном (конфедеративном) статусе с Грузией, что неприемлемо для Тбилиси. В феврале 1996 г. абхазская сторона предложила войти в федеративный союз с Грузией. По словам Анри Джергения,

специального представителя абхазского «президента», эти предложения содержали «элементы как федеративного, так и конфедеративного устройства». Такое устройство подразумевало общие государственные границы, совместное осуществление функций в определенных сферах и возможность создания совместных структур управления. Согласно протоколу, каждая из двух равных сторон имела бы собственную конституцию, и взаимоотношения между ними регулировались бы специальным договором, который, с согласия сторон, имел бы статус конституционного законодательства. Обе стороны координировали бы свою внешнюю политику и внешние экономические отношения, пограничный таможенный контроль, энергетику, транспорт и коммуникации, охрану окружающей среды и гарантии защиты прав человека и демократических свобод, так же как и права национальных меньшинств. Протокол подразумевал также, что по обоюдному соглашению Грузия и Абхазия смогут в будущем увеличить набор «координируемых функций»¹.

«Президент» Ардзинба отметил тогда, что новая структура не совпадает с «классическим типом федерации». Следует помнить, что абхазская сторона рассматривала подобные предложения как уступку. Согласно Владиславу Ардзинбе (с чем соглашались и многие эксперты), преобладающее большинство нынешнего населения Абхазии при любой возможности выбора предпочло бы искать сближения скорее с Россией, чем с Грузией, и скорее вступить в Российскую Федерацию, чем в любой ее грузинский эквивалент.

В своей инаугурационной речи при вступлении в президентскую должность (26 ноября 1995 г.) Эдуард Шеварднадзе заявил:

«Мы всегда утверждали, и утверждаем сейчас, что сегодняшнее время определило структуру грузинского государства как формирующуюся на федеративной основе. Абхазия будет субъектом федерации в составе Грузии с обширно определенным политическим статусом. Она будет иметь свою конституцию, которая должна будет находиться в согласии с конституцией единого объединенного государства. Абхазская республика будет иметь свой собственный парламент, верховный суд, гимн, государственную символику и прочие атрибуты государства»².

В 1997 г., несмотря на более активную позицию, занятую ООН в I отношении разрешения конфликта, грузино-абхазские переговоры зашли в тупик вопреки очевидному факту, что любое дальнейшее их затягивание пагубно для

¹ Potier Tim. Op.

² cit. Ibid.

обеих участвующих сторон. Отсутствие у обеих сторон четко сформулированной и пользующейся широкой поддержкой стратегии разрешения этнотерриториальных конфликтов все еще составляет серьезнейшую проблему. Нежелание грузинского руководства децентрализовать власть в собственно Грузии, так же, как и чрезвычайно осторожное отношение к вопросу репатриации месхетинцев (месхетинских турок), дает основу для возникновения подозрений у партнеров по переговорам относительно искренности либеральных и федералистских заявлений грузинского правительства, которое обвиняется в следовании двойным стандартам.

Среди обсуждаемых сегодня различных: вариантов будущего статуса Абхазии — присоединение к России, Грузии, Кавказской конфедерации или же провозглашение полной независимости — в настоящее время не просматривается какая-либо альтернатива поиску компромисса с тбилиским правительством, даже если большинство этнических абхазов и предпочитало бы другие варианты. К сожалению, пока что нет признаков того, что обе стороны ищут специфические решения в конструктивном ключе (в противоречии с обильными риторическими уверениями в обратном). Отношение России еще более уменьшает и без того мизерные шансы прийти к такому решению: послевоенная политика в отношении Чечни демонстрирует ее готовность затратить значительные ресурсы на поддержание контроля над Северным Кавказом, и она по-прежнему считает, что нахождение взаимоприемлемого компромисса между абхазами и грузинами не поможет ей в этом. В то же время Россия, однако, не готова принять решение о формальном включении Абхазии в свои пределы, хоть и готова способствовать поддержанию ее независимости *de facto* в течение продолжительного времени.

Для абхазов вопрос статуса является удобным предлогом блокировать переговоры и тем самым препятствовать возвращению перемещенных лиц/беженцев, которое могло бы поставить под удар послевоенный благоприятный демографический баланс. Для грузин, в свою очередь, переговоры служат возможностью демонстрировать свою добрую волю и готовность разрешить конфликт в согласии с международными правовыми нормами, хотя в действительности у них нет стремления находить компромисс. Несмотря на всю риторику, ни одна из сторон не желает углубиться в корень проблемы и разрешить вопрос правового статуса, предпочитая, поскольку явный и немедленный выигрыш невозможен, выжидать до тех пор, пока не будут обеспечены более сильные позиции на переговорах.

Единственной альтернативой компромиссу между Тбилиси и Сухуми является возобновление военных действий, что было бы пагубно для обеих сторон и кажется сегодня менее вероятным поворотом событий. Военные действия возможны в ограниченном масштабе (например, в Гали или Кодорском ущелье), тогда как более вероятным представляется дальнейшее затягивание переговоров — положение «ни мира, ни войны». Этот последний сценарий представлялся наиболее предпочтительным для всех сторон в последние несколько лет, но перестает быть таковым, по мере того как оба правительства начинают терять контроль над ситуацией, а именно к этому склоняется явная тенденция с 1997 г.

Более того, тупиковая ситуация на переговорах начинает наносить все больший вред обеим сторонам. В конечном счете можно было бы утверждать, что мнение, приведенное в цитируемом выше документе, а именно, что окончательное определение правового статуса не должно служить предварительным условием любого иного направления прогресса в мирном процессе, представляется весьма и весьма разумным. Отсрочка такого решения до поры, когда у сторон создастся лучшая основа для взаимопонимания, определение временного статуса, исходя из функциональных нужд и подходов, и продвижение тем временем в некоторых других вопросах, — такую позицию я готов полностью поддержать.

3. Грузинские беженцы/перемещенные лица и Гальский район

Абхазская сторона использует два главных аргумента для противопоставления грузинскому требованию о скорейшем возвращении беженцев в Абхазию. Согласно Сочинскому протоколу от апреля 1994 г.¹, грузины, принимавшие участие в военных действиях, лишались возможности вернуться, а экономические трудности и риск спонтанного разгорания насилия используются в качестве второго аргумента против возвращения беженцев. Ни один из этих аргументов не является достаточно убедительным. Первый аргумент несовместим с какой-либо авторитетной правовой традицией: конечно, военные

¹ «4 апреля 1994 г. в Москве было подписано соглашение по вопросу о беженцах в присутствии Бутроса Бутроса Гали, Генерального секретаря ООН, а также Андрея Козырева, российского министра иностранных дел, и нескольких послов западных стран. Согласно Московскому договору, создавалась четырехсторонняя комиссия с участием представителей от России и ООН, а также Грузии и Абхазии для надзора над процессом возвращения беженцев, и она начала работать в российском черноморском курортном городе Сочи в конце апреля 1994 г...» Aves Jonathan. Georgia: From Chaos to Stability. London: RIIA, 1996. P. 31.

преступники должны подлежать судебному преследованию независимо от их этнической принадлежности, однако преследование всех, кто носил оружие, — это совсем иной вопрос. Это не только несправедливо, поскольку нельзя преследовать людей за выбор ими той или другой стороны в гражданской войне, но даже и технически немыслимо создать независимые судебные инстанции для проверки поведения во время войны всего грузинского населения Абхазии. Аналогично, аргумент о неблагоприятности экономической ситуации не отличается особой убедительностью: технические и финансовые условия возвращения могут быть согласованы сторонами для облегчения репатриации перемещенных лиц. Ни один из этих аргументов не может быть использован в отношении возвращения беженцев в Гальский район, где проживало этнически однородное грузинское население и где возвращение беженцев является необратимым процессом. По различным оценкам, число грузин в Гали сопоставимо с численностью абхазов в Абхазии в целом (при том, что эта численность продолжает уменьшаться, увеличивая дисбаланс).

Хотя Гальским районом на протяжении веков правили поочередно мегрельские/грузинские и абхазские владетельные князья, к XX в. там практически не осталось абхазского населения. Какими бы справедливыми ни были аргументы абхазов относительно неправомерного грузинского присутствия на их родине, нет никакого исторического или иного оправдания для проведения дискриминационной политики в отношении грузинского населения этого региона. Более того, такая политика не находит поддержки и среди северокавказских союзников Абхазии. Поэтому абхазское руководство, видимо, столкнется с большими трудностями, если в Гали произойдет вспышка насилия.

Возможность возвращения Гальского района под грузинский контроль, в обмен на мир или приемлемый политический статус, обсуждался среди абхазского руководства. Однако время для такого компромисса было потеряно, так как грузинское правительство вряд ли будет обсуждать будущее Гали с тех же позиций, что и прежде, оно просто подождет, пока положение станет еще более благоприятным. Попытка выделения отдельной мегрельской национальности (на основе лингвистически отличающегося грузинского субэтноса) как стратегической альтернативы, предложенная и активно поддерживаемая британским ученым Джорджем Хьюиттом и воплощаемая в практику абхазским руководством, также запоздала, поскольку у большинства перемещенных лиц (по преимуществу мегрелов) вследствие их исхода из Абхазии не ослабло, а наоборот, укрепилось грузинское самосознание.

Специальные меры в отношении грузинских беженцев и без вести пропавших за время войны могли бы облегчить диалог между абхазами и грузинами. Мораторий на изменение имущественных прав перемещенных лиц и беженцев из Абхазии, отсутствие которого означало бы лишение их всей оставшейся в Абхазии собственности, до достижения окончательного решения или специального соглашения мог бы вызвать ответные долгосрочные обязательства грузинской стороны относительно экономического развития Абхазии.

Обмен данными о судьбах людей, без вести пропавших во время войны, как и дальнейшее сотрудничество по их поиску, является еще одной областью, важной с точки зрения восстановления взаимного доверия.

4. Демографическое равновесие

Демографические пропорции в пользу той или другой стороны являются одной из важнейших причин роста озабоченности для обеих сторон, но особенно для абхазов. Какого бы прогресса ни достигли стороны по определению политического статуса, это не будет иметь значения для абхазов, если восстановится довоенный демографический баланс. Поэтому большинство дискуссий по политическим вопросам, если даже они открыто не связаны с демографией, имеют демографическое измерение, которое не следует недооценивать при попытке понять мотивы действий сторон.

Демографические позиции абхазской общины последовательно ослабевали начиная с 60-х годов, в результате иммиграционного потока грузин (в основном принадлежавших мегрельскому субэтносу), русских и армян. Абхазы почувствовали себя под угрозой в особенности после начавшейся в 30-е годы массовой иммиграции грузин, что привело к уменьшению доли абхазов во всем населении до 17-18% к 80-м годам, когда их численность почти уравнилась с числом русских и армян в Абхазии и стала более чем вдвое меньше числа грузин (около 46%).

Важность этой проблемы необходимо учитывать в процессе переговоров, иначе трудно ожидать достижения реального прогресса. Абхазы после войны надеялись выиграть время, затягивая переговоры и откладывая достижение соглашений, намереваясь укрепить тем временем позиции на международной арене, а также усилить свое демографическое положение в результате массовой репатриации абхазов из диаспоры. Однако за прошедшее время надежда

достигнуть этих целей и тем самым усилить свои переговорные позиции не оправдалась.

По мнению Э. Весселинка, не следует ждать в ближайшем будущем заметной репатриации абхазов из-за рубежа: «Процесс репатриации так и не набрал силы. Число возвращенцев насчитывает скорее сотни, нежели тысячи. За это время несколько делегаций посетило Северный Кавказ для изучения перспективы репатриационных программ. Посетителей разочаровал низкий уровень жизни на Северном Кавказе. Следующей проблемой явился тот факт, что абхазы в Абхазии оказались христианами, в то время как остальные жители Северо-Западного Кавказа вообще не проявляют какого-либо интереса к религиозному учению»¹.

Параллельно этому, не видно и каких-либо признаков международного признания абхазского государства, и даже ведущие чеченские политики умили свою поддержку абхазского дела². Но еще более важным является тот факт, что постоянная угроза и мрачные экономические перспективы скорее ухудшают, чем улучшают демографический баланс абхазов. Абхазы эмигрируют, голосуя ногами против ведущейся политики. Уже создается впечатление, что в Абхазии больше грузин и армян, чем абхазов, и эта тенденция вряд ли изменится, если основанный на ожидающемся выигрыше во времени подход не будет заменен иным.

И хотя ныне этнодемографические вопросы препятствуют примирению сторон, в дальнейшем они могут стать одним из сильнейших стимулов к поиску компромисса. Стоит только представить ситуацию, когда грузины согласятся или даже будут поощрять репатриацию абхазской диаспоры в обмен на постепенное возвращение беженцев, и таким образом стороны смогут договориться о достижении определенного демографического баланса и о дальнейшем его поддержании. В случае, если значительный поток репатриантов потребует политической стабильности в Абхазии и ее экономического возрождения, поиски компромисса могут начаться и при более ограниченном уровне репатриации. Но не только репатриация может ускорить этот процесс, тем не менее Тбилиси должен оценить значение этого фактора на переговорах. Во всяком случае в

¹ Wesselink Egbert. The North Caucasian Diaspora in Turkey. WRITENET, May 1996 [P. 17-18]; также Boutroue Joel and Jones Stephen F. Prospect for the Return of Internally Displaced Persons and Refugees to Abkhazia. UNHCR, May 1997.

² Некоторые другие кавказские лидеры также перестали в прежней степени поддерживать Абхазию. Например, «в годы перед достижением Грузией независимости и непосредственно вслед за этим Южная Осетия поддерживала близкие отношения с Абхазией, однако постепенно эти связи ослабли...». Aves Jonathan.

настоящее время грузинский политический истеблишмент активно не приемлет идею абхазской репатриации.

5. Абхазский язык и культурная защищенность

Угроза национальной культуре, или же страх общины потерять этническую и культурную самобытность является жизненно важным фактором, формирующим отношение абхазов к перспективам примирения. Традиционно абхазы в большей степени, чем грузины, были ориентированы на русскую культуру и язык, в то же время подчеркивая свою этническую близость к северокавказским группам народов — адыгам и черкесам. Эти культурные установки находятся в определенном конфликте с ориентациями грузин, настроенных более прозападно. Это межкультурное противоречие между абхазами и грузинами потенциально еще более обострилось, когда в сильной степени русифицированные грузины (в основном мегрелы) из Абхазии оказались перемещенными в эксплицитно грузинскую культурную среду.

В то же время большинство абхазов, в частности христианское население южной части региона, настолько близко в культурном отношении с соседним мегрельским населением, что между ними зачастую отсутствовали даже четкие границы в этническом самосознании. Так, некоторые члены одной и той же семьи называли себя грузинами, а другие — абхазами, что подчас определялось и прагматическими соображениями. Многие грузины и абхазы, в том числе — как ни парадоксально — некоторые в высшей степени патриотически настроенные личности с обеих сторон, носят одни и те же фамилии. Такие факты порождают дополнительные взаимные подозрения и ведут к обвинениям в попытках искусственной ассимиляции.

Грузины, еще недавно представлявшие крупнейшую этническую группу в Абхазии, как правило, признают право абхазов на присвоение их языку статуса государственного. В отличие от прошлого (в частности, во времена Гамсахурдиа это не являлось общераспространенным мнением) ныне признается и «автохтонность» абхазов, каковой статус не признается за другими проживающими в Абхазии этническими группами — русскими и армянами. В то же время грузины и себя считают имеющими такие же права на автохтонность, что обосновывается различными историческими доводами, например, преобладанием грузинских надписей на стенах старинных монастырей и

на других памятниках. Абхазы не расположены признавать такие доводы, опасаясь восстановления грузинского демографического и культурного доминирования в Абхазии, что без соответствующих гарантий могло бы поставить под угрозу выживание национальной культуры и само существование народа. Абхазы предполагают, что русская культурная среда представляет меньшую опасность для их культурного выживания ввиду многообразия и размеров российского культурного ареала. Тем не менее имеется много областей возможных совместных инициатив абхазов и грузин в сфере культуры и можно было бы начать, например, с восстановления Государственного архива Абхазии, сгоревшего во время войны, путем копирования соответствующих документов и иных материалов или создания учебников на абхазском языке, и т.д. Правда, со стороны грузин потребуется большая осторожность ввиду постоянно поддерживающихся подозрений относительно живучести грузинского культурного экспансионизма.

б. Армяне в Абхазии

Армянское население, которое доминировало в некоторых районах Абхазии еще до войны, по мнению ряда экспертов, является самой крупной общиной в сегодняшней Абхазии. Армяне, однако, практически не представлены в правительственных структурах. В прошлом они в большинстве своем поддержали абхазов в их борьбе за независимость. Некоторое количество армян из Армении и Карабаха даже принимали участие в военных действиях на абхазской стороне, тогда как большинство из немногих армян, воевавших на грузинской стороне, являлись выходцами из регионов Грузии. В то время как армянское правительство в Ереване открыто заявляет о своем нейтралитете в этом конфликте, выражая свою заинтересованность в поисках мирного урегулирования, симпатии населения и националистически настроенных кругов Армении в основном на стороне абхазов. По словам Майкла Окса¹, Левона Тер-Петросяна грузины оценивали после парламентских выборов 1995 г. и президентских выборов 1996 г. как демократа, легитимного президента и вообще как «рационального человека, с которым можно разговаривать и находить компромиссы, отнюдь не националиста». И потому ослабление позиций Тер-

¹ The Caucasus and the Caspian: 1996 Seminar Series. Vol. II. Hill F. (ed.). Cambridge: Harvard University. J.F. Kennedy School of Government, 1996. Presentation by Michael Ochs. P. 77.

Петросяна в Тбилиси воспринимали весьма негативно, опасаясь политической нестабильности в Армении.

Во время официального визита в Грузию в июне 1997 г. Тер-Петросян отправился вместе с Шеварднадзе в Ахалкалаки, где армянский президент заявил, что Армения не имеет проблемы с Грузией из-за Ахалкалаки, где проживает многочисленное армянское население¹. Однако такая точка зрения не разделяется многими дашнаками (Цашнакцутюн — оппозиционная националистическая партия в Армении), имеющими территориальные претензии к Турции, Азербайджану и Грузии. С грузинской точки зрения, ослабление позиций Тер-Петросяна в Армении могло бы ослабить и его уравнивающее влияние на воинственные, националистически настроенные армянские группировки.

7. Отношения с северокавказскими народами/адыгами

Абхазы стремятся установить более близкие отношения со всеми северокавказскими народами, к каким бы этническим группам они ни принадлежали, и в первую очередь с адыгами (включая черкесов и кабардинцев), относящимися к одной с абхазами лингвистической группе. Еще со времен координированного сопротивления русскому завоеванию в период Кавказской войны XIX в., последним эпизодом которой явилось сражение между русскими и абхазами, у последних постоянно крепло чувство общности судьбы и самосознания с жителями Северного Кавказа. Оно еще более усилилось с установлением тесных взаимоотношений с потомками махаджиров (которые принадлежали различным этническим группам) на Ближнем Востоке и в Турции, а также благодаря попытке после русской революции 1917 г. вступить в недолговечный и хрупкий Северокавказский союз. Во время перестройки возникла новая попытка воссоздания такого союза в виде Конфедерации горских народов Кавказа. Первая конференция Конфедерации состоялась в августе 1989 г. в Сухуми, — в городе, который рассматривался в качестве будущей столицы нового союза. Различные национальные группы, представленные в Конфедерации, не опасались доминирования одной какой-либо группы, и это выгодно отличалось от опыта отношений с Россией или Грузией. Этим объясняется привлекательность идеи создания полиэтнического союза кавказских народов, несмотря на некоторый налет романтичности и понимание

трудностей ее воплощения в жизнь. Абхазский ученый Георгий Отырба формулирует такое восприятие следующим образом:

«История и судьба Абхазии вплотную связана с историей и судьбой народов Северного Кавказа, историей страданий и репрессий, депортаций и культурного разрушения, сражений с могущественными врагами. Их объединяет готовность защитить себя от повторения истории. Они воспользовались возможностью, открывшейся в результате распада Советского Союза и относительной слабости России и Грузии, чтобы утвердить свои права и создать условия, которые способны обеспечить лучшие гарантии их выживания в будущем»².

Таким образом, абхазы будут стремиться — хотя это еще до настоящего времени не проявилось на переговорах — создать открытые границы с Северным Кавказом и, в частности, иметь возможность поддерживать беспрепятственный культурный и экономический обмен с адыгами. Для грузин же прозрачность границ пока еще остается болезненным вопросом, и это касается, в частности, ее границ с Северной Осетией, Чечней и Дагестаном. Во всех этих случаях грузинскому правительству приходится иметь дело с наличием национальных меньшинств, проживающих по обе стороны государственной границы.

В своем видении будущего Кавказа грузины подчеркивают свое центральное — одновременно выгодное и опасное — положение в регионе, и им хотелось бы обеспечить себе центральную роль и в региональной политике. По окончании чеченской войны взаимоотношения Грузии с большинством северных соседей значительно улучшились, кульминацией этого явился официальный визит чеченского президента Масхадова в Грузию осенью 1997 г. Грузинское руководство надеется, что западнокавказские горские народы последуют примеру Чечни, завоевавшей заметное уважение в регионе, и тем самым будет достигнута большая степень их нейтральности на случай возобновления конфликта.

8. Русское присутствие и российская граница

Россия контролирует свою границу с Абхазией, ее прибрежную зону и

¹ Ibid.

² Otyrba Gueorgui. War in Abkhazia: The Regional Significance of the Georgian-Abkhazian Conflict, in: National Identity and Ethnicity in Russia and the New Independent States of Eurasia. Szporluk Roman (ed.). Armonk, NY: Sharpe, 1994. P. 287.

имеет там военные базы. Российские войска выполняют функцию миротворческих сил, формально действующих под эгидой СНГ. Россия осуществляет весьма значительный контроль над внешней и внутренней политикой сухумского правительства. Экономическая блокада, установленная Россией под политическим давлением со стороны Грузии, проводится в полном соответствии с традиционной схемой российской политики, нацеленной на ослабление всех сторон в конфликте с тем, чтобы Россия могла эффективно играть роль арбитра в споре сторон.

Павел Баев определяет российскую политику в Абхазии, как и повсюду на Кавказе и в «ближнем зарубежье», как продолжающую следовать «постимперской» системе ценностей: «Наиболее примечательной характеристикой политики России в отношении остальных четырнадцати государств, поднявшихся на руинах Советского Союза, является полная непоследовательность, порой граничащая с абсурдом. ...Что делает политические трудности еще более бросающимися в глаза, так это существование весьма обширного консенсуса российских политических элит касательно так называемого «ближнего зарубежья». Этот консенсус возник уже к концу 1993 г. и пережил все водовороты избирательных кампаний. ...Поэтому, если есть нужда или возможность кратко охарактеризовать российскую политику, она скорее всего определяется термином «постимперская», когда под ним подразумевается тающая мощь, которая стремится компенсировать неизбежные отступления новыми авантюрами, ощущает необходимость защищать соотечественников, оставшихся «за кордоном», но при этом чувствует катастрофическую нехватку ресурсов и пытается предотвратить угрозу распространения на ее территорию с разных сторон ожесточенных конфликтов, при этом сама являясь основным источником нестабильности»¹.

С абхазской точки зрения российское присутствие, несмотря на все отклонения и колебания, является единственной гарантией от губительного возобновления военных действий и от риска утери того, что было достигнуто в результате предыдущей победы. Это дает России возможность манипулировать абхазскими опасениями для собственной пользы, в то время как Абхазия не может полностью положиться на российскую поддержку, которой может лишиться немедленно вслед за изменением ставок в игре. Грузины же, обвиняя российское присутствие в том, что отсутствует прогресс в разрешении конфликта, тем не менее ждут с нетерпением, когда Россия наконец примет их сторону.

9. Экономическое развитие

В Абхазии, где большая часть продуктов выращивается для собственного потребления, рыночная экономика находится в зачаточном состоянии. У многих жителей имеются наделы земли, которых достаточно для выживания. Все занятые в государственном секторе экономики получают участки земли взамен невыплаченной за многие месяцы зарплаты. Ведется определенная торговля, как например между Сухуми и Гали. Из-за блокады со стороны СНГ импорт товаров — редкие турецкие суда приходят в Сухуми — с трудом удовлетворяет потребности населения.

Основной экспортный продукт — мандарины и другие цитрусовые культуры. Однако продажа в Россию излишков производства в 60—100 тыс. тонн цитрусовых крайне затруднена ввиду полузакрытия местным русским руководством железной дороги и шоссе, связывающих Абхазию с Грузией. В то же время местная промышленность не обладает мощностями для переработки всего урожая в соки или концентраты. Другими статьями экспорта являются металлолом и орехи лещины. Система дорог находится в очень плохом состоянии, машин немного, однако в городах действует общественный транспорт. Поддерживается также определенный транспортный поток между Гали и Зугдиди (на грузинской стороне); пересечение границы следует регистрировать в гальской администрации, где надо платить и налоги, однако имеется и множество неофициальных (и более дешевых) возможностей пересечь грузино-абхазскую границу. Электрической энергией Абхазия обеспечена лучше, чем остальная Грузия, благодаря поступлению энергии от Ингурской ГЭС и из России. Тем не менее повсеместное обнищание населения вынуждает все больше людей эмигрировать из региона.

Тем временем грузинская экономика начинает оживать и даже привлекать возрастающий интерес потенциальных инвесторов, хотя текущую ситуацию и не следует рассматривать сквозь розовые очки.

Кооперация Грузии и Абхазии в области экономического восстановления и развития Абхазии могла бы — при условии достижения долгосрочного консенсуса между сторонами — способствовать привлечению сюда значительных зарубежных ресурсов, как это имеет место в Цхинвали. Это могло бы послужить лучшим средством согласования интересов обеих сторон и способствовало бы

¹ Baev Pavel. The Russian Politics in the Caucasus. London: EEA, 1997. P. 47.

взаимопониманию.

Области технического сотрудничества, служащие интересам обеих сторон, можно было бы с легкостью определить, если только будут созданы при содействии миссий ООН и ОБСЕ условия и процедуры для такого обсуждения. Это могло бы явиться наилучшей возможностью для наиболее важного и трудного предприятия — восстановления доверия между недавними противниками.

10. Физическая безопасность и возможность новой волны насилия

Несмотря на введущиеся переговоры, вероятность новых вспышек насилия отнюдь не исчезла окончательно. Грузинское и абхазское правительства, как и посредники на переговорах, должны заранее определить свою реакцию в случае возникновения такой ситуации. Однако хотя возможность новой войны активно обсуждается, никаких превентивных мер не принимается. Совершенно неясно, каким образом можно будет предотвратить акты жестокости и насилия против мирного населения. Необходимо начать дискуссию о путях разработки механизмов для преодоления препятствий мирному процессу, гуманитарной интервенции и о способах вмешательства, которые могли бы быть эффективными при эскалации конфликта для уменьшения числа жертв.

IV. Перспектива

Тесная взаимозависимость конфликтов в кавказском регионе — еще один очень важный фактор, который необходимо учитывать при планировании мирных инициатив для Абхазии. Будущее урегулирование, вероятно, изменит баланс сил на Кавказе. Поэтому нужен целостный подход к региональным проблемам, такой подход, который примет во внимание специфические культурные и политические реалии, без чего невозможно сформулировать эффективную региональную политику.

Интересно отметить, что в то время как правительства часто апеллируют к израильско-палестинскому противостоянию, неправительственные организации и все вовлеченные в грузино-абхазский диалог уделяют относительно незначительное внимание плодотворным идеям, появившимся благодаря опыту урегулирования этого ближневосточного конфликта. Это касается не только печально известного принципа «территории в обмен на мир», использованного Израилем в его отношениях с арабскими соседями после военных побед над

последними и оккупации части их земли, но и других инициатив, как, например, декларации, первоначально подписанной в Осло официально не ангажированными палестинскими и израильскими сторонниками мирного разрешения конфликта, которая содержала описание определенных шагов, направленных к достижению мира. Подобные частные инициативы могут привлечь внимание широкой общественности к позитивным идеям, например путем собирания подписей в поддержку мира (с участием третьей/западной стороны, занимающейся техническим собиранием подписей). Иные полезные уроки могут включать жизненно важное (особенно с точки зрения временного планирования) координирование инициатив¹.

В начале второй половины 1997 г. правительства как Сухуми, так и Тбилиси кажутся более открытыми для реальных компромиссов. Тем не менее препятствия все еще огромны. Одна из таких преград чисто внешняя — нежелание Москвы потерять весьма эффективный рычаг контроля над политикой Грузии, хотя ее парадоксальное желание сохранить такой контроль во что бы то ни стало чревато большими экономическими потерями из-за блокады транспортных коммуникаций между Россией и Турцией, проходящих по территории Абхазии, не говоря уже об утрате выгод от соседства с мирной и благоденствующей страной на юге.

Еще более важным является нежелание абхазов пойти на риск восстановления *status quo ante bellum* (ситуации, существовавшей до войны), т.е. возвращения к ситуации, когда они вновь окажутся меньшинством, что лишит их возможности сохранить монополию на власть при любом более или менее демократическом сценарии развития событий, вне зависимости от полученного правового статуса в пределах Грузии. Один из обсуждаемых в настоящее время сценариев — территориальное деление Абхазии на ряд районов, в каждом из которых либо абхазы, либо грузины могли бы иметь политический контроль. Однако абхазское правительство не в состоянии провести такое деление на основе принципа «территории в обмен на мир» без широкой народной поддержки. Отсутствуют и детальные проработки такого проекта. У сторон нет бесспорных определенных приоритетов или элементов решения, по которым можно договариваться и искать компромисс и которые могли бы в дальнейшем составить основу взаимоприемлемого общего компромисса, не видно и нетривиальных, творческих подходов к поиску такого компромисса. Частично повинно в этом отсутствие у правительств политической воли к достижению

¹ Я выражаю благодарность Эди Кауфману из Иерусалимского университета за эти замечания.

реальных результатов и возобладание частных групповых интересов, связанных с поддержанием ситуации «ни мира, ни войны». Оба правительства оказались в положении заложников своих собственных заявлений и деклараций. Требуется большое мужество и политическое вдохновение для ломки устоявшихся стереотипов и обеспечения народной поддержки новаторским подходам. Жизненно необходимо разработать ряд детальных сценариев, принципиально приемлемых для каждой из сторон, и затем работать далее над постепенным сближением некоторых позиций — это поможет осознать, что на самом деле расхождения точек зрения бывших противников не так уж и велики и непреодолимы, как это казалось ранее. Большинство из таких разногласий вопреки распространенным мнениям не являются взаимоисключающими — скорее, они имеют символические или терминологические разночтения и могут быть преодолены при определенном усилии сторон.

Поскольку у двух сторон в конфликте разная система приоритетов — например, относительно правового статуса или возвращения беженцев — очень сложно решать отдельные проблемы, так как они объединены в единый пакет. Поэтому, одним из путей достижения прогресса в разрешении конфликта может стать попытка временного сужения фокуса, разбивка проблем на ряд отдельных вопросов, которые хоть и взаимосвязаны друг с другом, но тем не менее могут быть рассмотрены и обсуждены поочередно. Лишь после обсуждения этих вопросов и достижения отдельных соглашений или, по крайней мере, достижения понимания точек зрения ДРУГ друга, можно будет вернуться к обсуждению всего пакета целиком.

Время работает против интересов абхазов, однако это отнюдь не означает, что грузины или русские могут выиграть от дальнейшего затягивания разрешения конфликта. Россия потеряла очень многое, будучи отрезанной от южных транспортных коммуникаций, и продолжает терять как Грузию, так и вообще рычаги влияния в регионе. Однако и Грузия оказывается в проигрыше в этой игре с нулевой суммой. В условиях продолжающихся человеческих страданий, вызванных затягиванием конфликта, все меньшее число грузин может захотеть вернуться в Абхазию, в то время как сама неопределенность будущего перемещенных лиц ставит тяжелейшие проблемы перед слабым грузинским государством. Одновременно Грузия теряет значительные экономические выгоды, которые она имела бы в случае хорошо интегрированной экономики и использования транспортного коридора «Восток—Запад».

Одной из потенциальных сфер экономического сотрудничества может быть

преобразование Гальского района в свободную экономическую зону, временно подчинив ее международному режиму безопасности. Это могло бы создать безопасную буферную зону, препятствующую развитию военного противостояния или столкновениям, и послужило бы пилотажной инициативой для дальнейшего сбалансированного экономического сотрудничества. Гали важен в этом отношении не только ввиду его приграничного расположения или населенности грузинами, но и благодаря его высокому экономическому — и, в частности, сельскохозяйственному — потенциалу. Следует отметить, что даже в сегодняшней напряженной ситуации Гали в определенной степени уже выполняет клиринговую и рыночную функцию для обеих сторон.

Я, конечно же, понимаю, что никаким частным лицам из соответствующих двух общин не по силам достичь конкретного урегулирования, если они не представляют свои правительства, однако же их предложения могут внести ощутимый вклад в создание духа компромисса, который является стержнем переговорного процесса. Если нам удастся найти общую почву хотя бы в отдельных областях, уже одно это послужит стартовой позицией для более плодотворных дискуссий. Я уверен, что почти все противоречия между сторонами разрешимы, если подходить к ним творчески и если попытаться смотреть на проблемы также глазами другой стороны. Существующие проблемы должны быть скорректированы с учетом истинных, базовых нужд и чаяний обоих народов без популистских лозунгов и ложно понятых интересов, что ведет лишь к дальнейшей конфронтации. Представляется, что если интеллектуалы обеих сторон, поддержанные международными экспертами и посредниками, окажутся в состоянии сформулировать некоторое количество конкретных идей в виде ряда заявлений, это послужит делу зарождения кооперативного подхода к разрешению конфликта и поможет всем вовлеченным сторонам увидеть конфликт и его последствия не только с собственных позиций, но и глазами других участников.

В деле продвижения по пути мирных переговоров весьма полезным могло бы стать создание смешанного дискуссионного форума, составленного из наиболее авторитетных лиц с обеих сторон. Они получили бы мандат от соответствующего руководства на обсуждение возможных условий урегулирования конфликта, но не имели бы полномочий подписывать какие-либо документы или принимать решения. Подобный форум, проходящий при посредничестве международных экспертов и при содействии авторитета таких организаций, как ООН или ОБСЕ, мог бы выполнять несколько важных функций: вырабатывать и проверять новые идеи в непринужденной атмосфере, поддерживать двусторонний обмен

информацией между правительствами, действовать в качестве неформальной переговорной структуры и служить средством пропаганды среди населения идеи мирного урегулирования.

V. Заключение

Дискуссии на тему, как и когда будет найдено разрешение грузино-абхазского конфликта, важны, но еще более насущен на данный момент вопрос о том, откуда должны прийти альтернативные идеи и концепции, формирующие будущее урегулирование. В целом можно назвать три таких источника: во-первых, это политические и общественные течения в Абхазии и Грузии; во-вторых, это Россия, включая и народы Северного Кавказа; и наконец, это международные институты.

До последнего времени обе стороны — грузинская и абхазская — действовали под гипнотическим влиянием иллюзии, что время на их стороне. Но ныне обе они в проигрыше в результате тупиковой ситуации, в которой оказался конфликт, и несут весьма ощутимые экономические, демографические и политические потери. В той игре, в которую они вовлечены, нет победителей. В первые годы после войны абхазы могли надеяться, что время принесет международное признание и репатриацию абхазской диаспоры, но ныне это перестало казаться вероятным ходом событий. Даже поддержка северокавказцев, сыгравших важную роль в ходе войны, не кажется более такой уж безусловной, в первую очередь со стороны вайнахских народов. В свою очередь и грузинское _ правительство надеялось использовать время для решительного укрепления своих вооруженных сил, обеспечения поддержки Россией своей позиции и для выжидания, когда сухумское правительство достигнет полного обнищания и ослабления; теперь оно сильно разочаровано, так как не видит проявления подобных тенденций. На самом деле в период непосредственно после войны конфликт помог Грузии дистанцироваться от российского доминирования и пойти по пути независимого государственного строительства. Сегодня, когда мощь России тает на глазах, а грузинское государство начало справляться с большинством трудностей, довлевших над ним в первый период после достижения независимости, пора менять приоритеты.

Нынешняя ситуация не может продолжаться до бесконечности. Давление на противостоящие стороны как извне, так и изнутри нарастает, а их руководители (которые до недавнего времени демонстрировали явный недостаток воли для решения конфликта) теперь, по всей видимости, становятся более

гибкими и открытыми для компромисса. Имеется несколько разных возможных альтернатив, и народы Абхазии и Грузии должны сами решить, какую из них следует выбрать как наиболее предпочтительную.

Библиография

Ачкабадзе Юрий. Грузино-абхазский диалог должен быть честным. Эхо Абхазии, №6, 1997.

Васильева Ольга. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. Москва, 1993.

Васильева Ольга и Музаев Тимур. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. Москва, 1994.

Спорные границы на Кавказе. (Под ред. Бруно Коппитерса) М.; Издательство «Весь мир», 1996.

Хашиг Николай. Радиоинтервью (интервью взято С. и Н. Адлейба). Голос Абхазии, 27 августа 1996.

Aves Jonathan. Georgia: From Chaos to Stability. RIIA, London, 1996.

Blank Stephen. Russia's Real Drive towards the South. Orbis 39, No. 3 (Summer 1995): 369—386.

Boutroue Joel and Jones Stephen F. Prospect for the Return of Internally Displaced

Persons and Refugees to Abkhazia. UNHCR, May 1997. The Caucasus and the Caspian: 1996 Seminar Series, Vols I & II, Hill F. (ed.),

Harvard University, J.F. Kennedy School of Government, Cambridge, 1996.

Chervonnaya Svetlana. Conflict in the Caucasus: Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow. Glastonbury, 1994: 227.

Cordier Bruno de. The Islamic Influence on Ethnic Nationalism in the North Caucasus: The Cases of Chechnia and Daghestan. Eurasian Studies, 1, Spring 1996.

Developing the National Security Concept for Georgia. International Conference Proceedings, Tbilisi, 1-2 April 1996. CIPDD, Tbilisi, 1996.

Garb Paula. Ethnicity, Alliance-Building, and the Limited Spread of Ethnic Conflict in the Caucasus. University of California/Irvine, January 1997, in: David Lake & Donald Rotschild (eds), Ethnic Fears and Global Engagement: The International Spread and Management of Ethnic Conflict. Princeton University Press, 1997.

Goltz Thomas. Letter From Eurasia: The Hidden Russian Hand. Foreign Policy, Fall, 1993: 110—111.

Halbach Uwe, Andreas Kappeler (Hrsg.). Krisenherd Kaukasus. Nomos, Baden-

Baden, 1996.

Halbach Uwe. «Failing States?» Nationale, Staatliche und Okonomische Festigkeit der sudlichen GUS-Lander. Teil II, Berichte des Bundesinstituts fur Ostwissenschaft und internationale Studien, 21, Koln, 1994.

Henze Paul B. Conflict in the Caucasus. Eurasian Studies: 69—84, No.1, Spring 1994, Ankara.

Henze Paul B. Russia and the Caucasus. Perceptions, 1, No. 2, June-August 1996, Ankara.

Hewitt B. G. Abkhazia: A Problem of Identity and Ownership, in: John F.R. Wright, Suzan Goldenberg, Richard Schofield (ed.s). Transcaucasian Boundaries. SOAS, UCL Press, London 1996.

Hill Fiona & Jewett Pamela. «Back in the USSR», Russia's Intervention in the Internal Affairs of the Former Soviet Republics. Harvard University, J.F. Kennedy School of Government, Cambridge, 1994.

Hill Fiona & Jewett Pamela. Report on Ethnic Conflict in the Russian Federation and Transcaucasia. Harvard University, J.F.Kennedy School of Government, Cambridge, 1993.

Human Development Report: Georgia 1997. UNDP, Tbilisi, 1997: 30. *Kvarchelia Liana.* Georgia-Abkhazia Conflict: View from Abkhazia, in: The Caucasus

and the Caspian: 1996 Seminar Series, Vol. II, Fiona Hill (ed.), Harvard

University, J.F. Kennedy School of Government, Cambridge, 1996: 20—40. *Lakoba*

Stanislav. Abkhazia is Abkhazia. Central Asian Survey, Vol. 14, No. 1 (March

1995): 97—106. *Mooney Erin D.* Internal Displacement and the Conflict in Abkhazia. International

Journal on Group Rights 3, 1995: 197—226. *Nissman David.* Russia and the Caucasus. Perceptions, 1, No. 2, June-August 1996,

Ankara.

Nodia Ghia. Georgia's Identity Crisis. Journal of Democracy, Vol. 6, No. 1, January

1995.

Otyrba Gueorgui. War in Abkhazia: The Regional Significance of the Georgian-Abkhazian Conflict, in: National Identity and Ethnicity in Russia and the New

Independent States of Eurasia, (ed.) Roman Szporluk, Armonk, NY, Sharpe,

1994: 281—309. *Pietzonka Barbara.* Ethnisch-territoriale Konflikte in Kaukasien: Eine politisch-

geographische Systematisierung. (Bundesinstitut fur ostwissenschaftliche und

internationale Studien, Köln, Band 26), Nomos, Baden-Baden, 1995. *Rayfield Donald*. Use and Abuse of History in Recent Slovak and Georgian Fiction, in: R Pyncent (ed.), *Modern Slovak Prose Fiction since 1954*: 114—124, London, 1990.

Roy Olivier. *Crude Manoeuvres*. *Index on Censorship* 4, 1997: 144-152.

Shnirelman Victor. *Who Gets the Past: Competing for Ancestors among Non-Russian Intellectuals*. Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1996. *Stadelbauer Jorg*. *Die Konflikte im Süden der ehemaligen Sowjetunion: Der Kaukasus*, in: Spillmann K. R. (Hrsg), *Zeitgeschichtliche Hintergründe aktuellen Konflikte, III, Vorlesung für Hörer aller Abteilungen, Sommersemester 1993*, *Züricher Beiträge zur Sicherheitspolitik und Konfliktforschung*, Heft Nr. 31, Zurich, 1994. *Starr S. Frederick*. *Power Failure: American Policy in the Caspian*. *The National Interest*, # 47, Spring 1997: 20—31. *A Suitable Case for Destabilisation*, from: *Nezavisimaya Gazeta*, INDEX on *Censorship* 4, 1997: 74—78. *Tania L I., Argun A. Y., Tania A. G*, *The Problem of the Repatriation of Georgian Refugees to Abkhazia: Conflictogenous Aspect (in Russian)*, *Perspektivy*, Sukhum, 1995. *Transcaucasian Boundaries*. Eds. J.F.R Wright, S. Goldenberg, R. Schofield. SOAS, UCL Press, London 1996. *Vasil'eva Olga*. *The Foreign Policy Orientation of Georgia*. *Stiftung Wissenschaft und Politik, Forschungsinstitut für Internationale Politik und Sicherheit*, SWP-AP 2968, July 1996, Ebenhausen: 86.